

Печатный орган Вятской региональной общественной организации жертв незаконных политических репрессий (ВО ЖНПР)

С НОВЫМ ГОДОМ!!!

Вятская региональная общественная организация жертв незаконных политических репрессий сердечно поздравляет всех реабилитированных России с Новым – 2018 годом!

Дорогие друзья, желаем Вам, пусть наступающий Новый год принесет в вашу жизнь только самые хорошие и положительные эмоции, а светлый и прекрасный праздник Рождество Христово согреет душу и подарит надежду на лучшее будущее.

Вы уже вступили в преклонный возраст, но жизнь продолжается. Вы можете оценить то, что имеете сейчас по достоинству. Будьте благодарны судьбе за мудрость и опыт, прожитые годы, многочисленные события. Вы способны дать ценные советы по жизни новому поколению, проявляя искреннюю заботу о своих детях и внуках. Уважение Вы уже успели давным-давно заслужить, потому о вас всегда могут побеспокоиться и позаботиться, поспособствовать решению любых проблем.

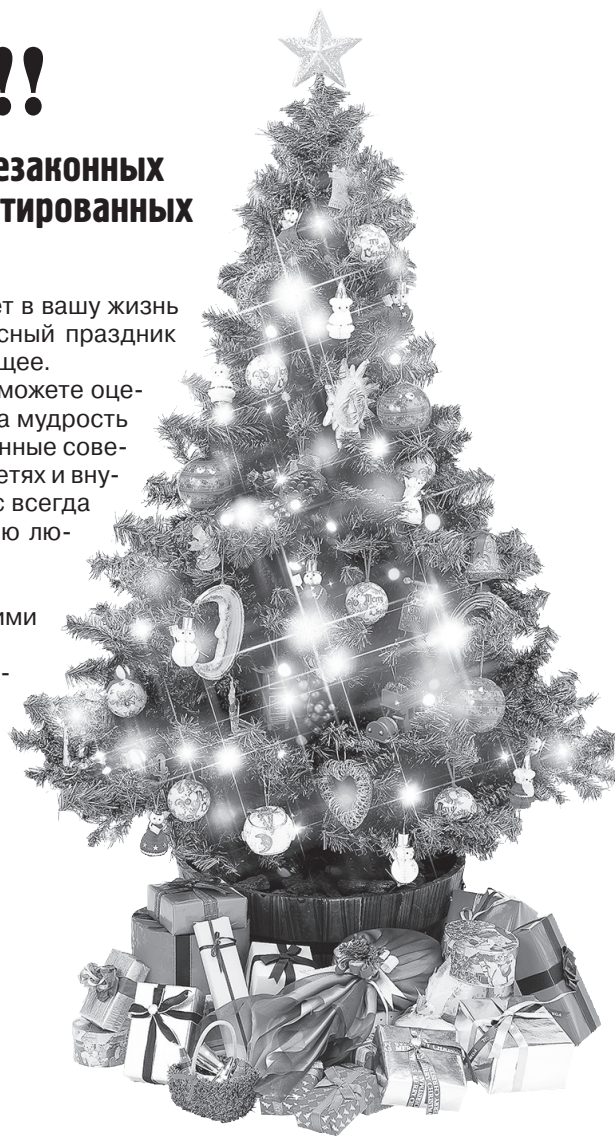
Желаем, активности и энергии, идеального здоровья.

Желаем крепкой семьи и настоящего счастья рядом с близкими людьми.

Пусть ваша жизнь будет наполнена улыбками и смехом, искренней радостью.

Продолжайте мечтать, несмотря ни на что, ведь жизнь еще продолжается и может порадовать даже непредвиденными сюрпризами.

Самое важное – будьте счастливы всегда.

Поздравляем!

Правление Вятской региональной общественной организации жертв незаконных политических репрессий (ВО ЖНПР) сердечно поздравляет активистов с юбилеями в 2017г.:

1. Магдеева Мансура Хасановича
2. Кузнецова Владимира Георгиевича
3. Роговцову Нину Николаевну
4. Григоренко Тамару Петровну

Примите слова признательности за ваш благородный труд, дорогие друзья! Крепкого здоровья Вам и душевного благополучия!

БЕСКОНЕЧНАЯ БОРЬБА С ВЛАСТЬЮ ЗА ПРАВА РЕПРЕССИРОВАННЫХ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Председателю Правления Вятской региональной общественной организации жертв незаконных политических репрессий М.Х. Магдееву

Уважаемый Мансур Хасанович!

Рассмотрев по поручению Губернатора — Председателя Правительства Кировской области Васильева И.В. Ваше обращение по организации встречи по вопросу предоставления мер социальной поддержки жертвам политических репрессий, сообщаем следующее.

Согласно законодательству, действовавшему до 01.01.2005, жертвы политических репрессий имели право на льготы в соответствии со статьей 16 Закона Российской Федерации от 18.10.1991 № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» (далее – Закон Российской Федерации от 18.10.1991 № 1761-1).

В связи с принятием Федерального закона от 22.08.2004 № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных

(представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 22.08.2004 № 122-ФЗ) статья 16 Закона Российской Федерации от 18.10.1991 № 1761-1 изложена в следующей редакции:

«Статья 16. Реабилитированные лица и лица, признанные пострадавшими от политических репрессий, обеспечиваются мерами социальной поддержки в соответствии с законами субъектов Российской Федерации.

Расходные обязательства по обеспечению мерами социальной поддержки реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий, являются расходными обязательствами субъектов Российской Федерации».

Кроме того, в соответствии с подпунктом 24 пункта 2 статьи 26.3 Федерального закона от 04.07.2003 № 95-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов го-

сударственной власти субъектов Российской Федерации» к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации, которые должны осуществляться ими самостоятельно за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации, отнесено с 01.01.2005 решение вопросов социальной поддержки граждан, в том числе жертв политических репрессий.

Также в пояснительной записке к Федеральному закону от 22.08.2004 № 122-ФЗ отражено, что в Закон Российской Федерации от 18.10.1991 № 1761-1 вносятся изменения в части отнесения установления и финансового обеспечения мер социальной поддержки граждан, пострадавших от политических репрессий, к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Таким образом, в рамках указанных полномочий принят Закон Кировской области от 07.12.2004 № 280-30 «О мерах социальной поддержки ветеранов труда, тружеников тыла и жертв политических репрессий» (далее – Закон Кировской области от 07.12.2004 № 280-30),

которым определены меры социальной поддержки жертвам полити-

ческих репрессий, финансируемых за счет средств областного бюджета. Закон Кировской области от 07.12.2004 № 280-30 прошел экспертизу в Прокуратуре Кировской области и Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Кировской области, по результатам которой нарушений норм законодательства не выявлено.

Все меры социальной поддержки жертвам политических репрессий, предусмотренные Законом Кировской области от 07.12.2004 № 280-30, реализуются.

В связи со сложной экономической ситуацией в области установление дополнительных мер социальной поддержки жертвам политических репрессий в настоящее время не представляется возможным.

Однако, данный вопрос находится на контроле. Предлагаем встретиться и обсудить вопрос предоставления мер социальной поддержки жертвам политических репрессий на уровне Первого заместителя Председателя Правительства области Чурина А.А.

**ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ПРАВИТЕЛЬСТВА ОБЛАСТИ
А.А. ЧУРИН**

Вятская региональная общественная организация жертв незаконных политических репрессий Губернатору Кировской области И.В. Васильеву

Уважаемый Игорь Владимирович!

На ответ от 25.12.2017 №11100-02-15 за подписью первого заместителя Председателя Правительства области А.А.Чурина, направленный по Вашему поручению после рассмотрения письма Вятской региональной общественной организации жертв незаконных политических репрессий (ВО ЖНПР) от 10.11.2017 №52, в наш адрес, сообщаем следующее. Вынуждены, как и ранее, констатировать, что ответ не по существу поставленных вопросов, частично учтены наши пояснения (поправки) к Вашим прежним некорректным интерпретациям действующего законодательства, а именно:

1. При изложении содержания статьи 16 Закона РФ от 18.10.1991 №1761-1 в своём ответе «поправились» – избавились от предыдущей умышленной фальшивой подмены **коренного слова обеспечивают** на **определяются**, но после изложения статьи требуется логически ответить на вопрос – как должны реализовываться расходные обязательства субъектов РФ? А эти обязательства, т.е. **Ваши упомянутые рамки полномочий**, обязаны были исполнять требования преамбулы и части 2 статьи 153 Федерального закона от 22.08.2004 №122-ФЗ. Смысл этих требований – **сохранение и возможное повышение ранее достигнутого уровня социальной защиты**, т.е. до 2005г. Эти требования в отношении репрессированных не были исполнены в пресло-

вумом законе Кировской области от 07.12.2004 №280-ЗО «О мерах социальной поддержке ветеранов труда, тружеников тыла и жертв политических репрессий». Так называемая «экспертиза» этого закона – ещё один факт, подтверждающий недоверие репрессированных существующей «независимой» правовой системе в России.

2. Продолжается софинансирование льгот – «мер соц. поддержки» жертв политических репрессий со стороны РФ, о чём было нами указано в п.2 нашего письма от 09.06.2017 №20.

Уважаемый Игорь Владимирович!

Наша переписка с Правительством КО по восстановлению прав репрессированным на ранее предоставляемые льготы, более 13 лет, заиклилась на одной «причине» – якобы невоз-

можности исполнения обязательств по льготам. Репрессированные Кировской области будут всегда настаивать на обязательном восстановлении части льгот, незаконно отобранных ранее. Это – 50% скидка на лекарства, бесплатный проезд общественным транспортом в пределах центра проживания, в пригородном сообщении и на э/поездах в пригородном сообщении.

Благодарим за предложение встретиться с А.А. Чуриным, но учитывая результаты предыдущих встреч с должностными лицами, репрессированные просят организовать личную встречу Магдеева только с Вами – Губернатором КО И.В. Васильевым.

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВЛЕНИЯ
ВО ЖНПР М.Х. МАГДЕЕВ**

Прокуратура центрального административного округа. от 14.12.2017 №239вш-16/30790. Кричевцовой О.В.

Прокуратурой округа рассмотрено Ваше заявление о бездействии сотрудников УВД по ЦАО ГУ МВД России по г. Москве.

Установлено, что оперуполномоченным ОРЧ-5 ОЭБиПК УВД по ЦАО ГУ МВД

России по г. Москве в порядке, предусмотренном ст.ст. 144-145 УПК РФ, проведена процессуальная проверка по Вашему заявлению, по результатам которой о/у ОРЧ-5 ОЭБиПК УВД по ЦАО ГУ МВД России по г. Москве 23.06.2017 принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК

РФ, в связи с отсутствием в действиях Есаулова А.В. признаков состава преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ.

Прокуратурой округа истребован и изучен материал проверки, принятое процессуальное решение признано незаконным и 05.12.2017 отменено, материал об отказе в возбуждении уголовно-

го дела возвращен в ОРЧ-5 УВД по ЦАО ГУ МВД России по г. Москве для организации дополнительной проверки.

Принятое решение Вы вправе обжаловать в вышестоящую прокуратуру или в суд в установленном законом порядке.

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРОКУРОРА ОКРУГА
А.Ю. КАРАСЕВ**

Добрая фея и ее семья

«Как бывший зэк, я остро ощущаю и, Конечно, жалею, что нынешнее Молодое поколение мало знает, да и не Хочет знать о том, что было»

Н.Д. Лобанов-Ростовский.

**Продолжение, начало
в номере 33.**

Много что успела рассказать мне Вриенна Петровна. Я только ахала от удивления: у этой старушки отец был генерал, не только лично знал Николая II, но, будучи старше его, учил его какой-то игре: то ли теннису, то ли крикету и шахматам. Сама Вриенна Петровна бывала в Аничковом дворце и дважды видела мать Николая II, Марию Федоровну. Для меня всё это было историей и, именно, тем периодом, который меня в то время очень интересовал, а тут передо мной сидел человек, который непосредственно соприкасался с этими историческими личностями!

Я не буду сейчас пересказывать всё то, что узнала в том трамвае. Потом я узнала много больше и от Вриенны Петровны, и из книг, и из рассказов её знакомых, знавших её много десятилетий. Постараюсь воспроизвести в этом очерке всё, что узнала и запомнила.

Второй раз мы встретились с Вриенной Петровной, примерно, через неделю. Я должна была подойти к школе, где она вела занятие по тому предмету, который раньше назывался Закон Божий. Школу называли немецкой, т.к. там немецкий язык изучался много основательней, чем в обычных школах. Между прочим, там учились две дочери В.В.Путина. Одна из их учительниц, с которой я позднее познакомилась, говорила, что девочки – настоящие ангелочки и очень хвалила их маму за отзывчивость в

вопросе нужд школы. (Пожалуйста, не заподозрите меня в подхалимаже перед сильными мира сего!) Я очень далека от этого. Но этот рассказ учительницы, которая, кстати, сама была сплошное очарование, я запомнила, хотя тогда В.В.Путин не был ещё на первых ролях в государстве.

На нашу вторую встречу с Вриенной Петровной я опоздала. Не помню почему. Вместо 4ч.10м. пришла на полчаса позднее. Совсем не надеялась, что она меня дожидется. Так оно и оказалось. Вахтерша сказала, что она долго кого-то ждала, а недавно ушла. Она же посоветовала попытаться её догнать, открыла мне заднюю дверь и показала направление, в каком ушла Вриенна Петровна. Я её догнала. Мы обе были рады встрече. Вриенна Петровна сказала, что она долго ходила вокруг школы, поджидая меня, и почему-то была уверена, что встреча состоится.

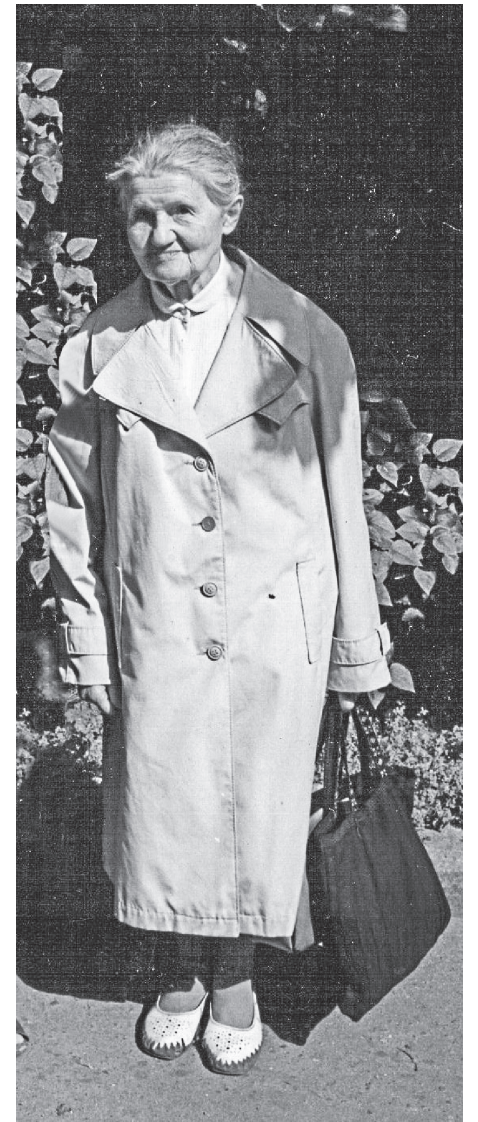
Какой неожиданностью было предложение Вриенны Петровны пойти в кафе-мороженое, находившееся рядом со школой! Предложение было сделано так, что отказаться было невозможно. И вот мы опять сидим лицом друг к другу и едим мороженое. И опять мы были почти одни, как тогда в трамвае. И опять я люблюсь лицом Вриенны Петровны, в котором было столько доброты и мягкости! Наверное, в тот раз мы обменялись телефонами. У самой Вриенны Петровны телефона не было, но её соседка-подруга, Зося Яновна, разрешала ей пользоваться своим. Мы договорились, что звонить будет она, когда это будет удобно ей и Зосе Яновне, а говорить мы будем по-французски. Французский язык она учила с 6 лет, как раз по тому старинному учебнику, обладательницей которого я стала после её смерти. Поразительно, что после стольких

десятилетий без практики Вриенна Петровна говорила по-французски и понимала меня. Ей это было приятно, а мне ещё и полезно, т.к. разговорной практики у меня почти не было.

86 лет возраст, конечно, солидный, но никаких серьёзных заболеваний у Вриенны Петровны не было, никогда она не жаловалась на плохое самочувствие. Всегда была в хорошем настроении, на лице всегда была легкая улыбка. Совершенно не думая об её возрасте, а тем более о смерти, я почему-то в течение всего нашего знакомства испытывала какое-то внутреннее беспокойство: подспудно боялась не успеть насладиться этим знакомством, что-то не успеть. Так было только с ней. И формулировала я это мысленно французским выражением: bruler des etapes, имея в виду: не надо никакого предварительного знакомства, не надо постепенного узнавания! Надо сразу переходить к стадии душевной открытости! Я внутренне будто знала, что нам отпущено очень мало времени, хотя никаких предчувствий у меня не было.

Своим назначением в этом мире Вриенна Петровна считала помогать всем нуждающимся в помощи. Естественно, она сама это ни как, ни каким-либо иным образом не формулировала. Она просто каждый день ехала к тем, кто болел, кому надо было помочь. Для себя у неё совсем не оставалось времени.

Одну из её подопечных я повила. Уж не помню, почему я пошла к ней вместе с Вриенной Петровной. Наверное, сама напросилась, узнав, что эта женщина училась в Ксенинском институте, который располагался в Николаевском дворце около Благовещенского моста. (Назывался Ксенинским потому, что его опекала сестра Николая

«Последняя русская аристократка» Вриенна Петровна Ерехович.

II – Ксения Александровна). Этой старушке было 95 лет и она сломала ногу. Вриенна Петровна помогала ей справляться с жизнью. Её фамилия была Ярушевич по мужу – брату митрополита Николая Крутицкого и Коломенского, одного из трёх митрополитов, приглашенных на встречу со Сталиным 4 сентября 1943 г. Это была встреча, после которой начались новые отношения между государством и церковью в России

Добра была Вриенна Петровна не только к людям, но и ко всем живым тварям. Однажды мы с ней шли по Песочной. Она провожала меня на станцию. Шли мы рядом. Вдруг я заметила что-то странное: Вриенна Петровна идет не прямо, а зигзагами и как-то странно ставит ноги. «Что с Вами?» – спрашиваю. Оказалось, что в этом месте муравьи пересекали тротуар, и она их обходила, боясь раздавить.

Одевалась Вриенна Петровна самым скромным и незаметным образом. Ничего яркого, ничего модного, не придавала одежде никакого значения, не стеснялась быть одетой очень бедно. Например, когда я однажды провожала её на остановку автобуса, чтобы ехать на Финляндский вокзал, а потом в Песочную, пошел дождь, она достала из сумки и надела самодельный плащ, сшитый крупными стежками из полиэтиленовых мешков. По обычным понятиям он был совсем неприличным, но сколько я ей не навязывала накидку, которые тогда продавались в электричках и стоили копейки, она ни за что не согласилась её взять.

Наше знакомство с Вриенной Петровной произошло в очень неспокойное время. Только и разговоров было о нападениях, убийствах и т.п. Люди старались возвращаться домой пораньше. У Вриенны Петровны это не получалось. Помню её первый приход к нам. Засиделись до 11 часов вечера. Это было в белые ночи, окна у нас выходили на запад и светло было очень долго. Когда мы спохватились, я стала уговаривать остаться у нас ночевать, тем более, что спальное место для неё было. Вриенна Петровна решительно отказалась, сказав, что всегда возвращается домой. Проводила я её до автобуса и только на следующий день узнала, что она благополучно добралась до дома в час ночи. Так и представляю, как движется эта маленькая фигурка по совершенно безлюдной Песочной, где и днём-то пешеходов почти нет. Вот такой она была бесстрашной.

При всех тех трудностях, которые ожидали дворянских детей при получении образования в советское время, Вриенна Петровна ухитрилась (плюс к хорошему домашнему образованию) окончить химический техникум и два факультета педагогического института им. Герцена в Петербурге: филологический и иностранных языков. Не знаю, вечернее отделение или заочное. В Кировске, куда в 1932 г. они с мамой вынуждены были уехать, т.к. им было отказано в выдаче паспорта и в прописке, Вриенна Петровна преподавала в школе русский язык и литературу, а потом её попросили заменить и учительницу английского языка. Английский язык, так же как французский и немецкий, она знала с детства, но решила получить и формальное образование, без чего трудно было бы получить работу. На втором факультете она училась заочно, живя в Кировске. Получив химическое образование, Вриенна Петровна поступила работать на горный комбинат в химическую лабораторию. Там она познакомилась с Зосей Яновной, выпускницей химического факультета технологического института им. Г.В.Плеханова, которая в то время заведовала этой лабораторией. Благодаря этому знакомству Вриенна Петровна и её мама смогли вернуться хоть и не совсем в Петербург, но почти, т.е. в Песочную.

В детстве 1914 год.

Насколько я помню, мы говорили с Вриенной Петровной каждый день. Говорили по-французски. Это не очень нравилось Зосе Яновне и деликатная Вриенна Петровна иногда переходила на русский. Часто бывать у нас она не могла, поскольку у неё было несколько подопечных. После первого посещения она пришла дней через десять, а на третий раз осталась ночевать, засидевшись опять до 11 часов. Её очень полюбила моя мама. Её нельзя было не любить. Сейчас я думаю, что и приходила она стала к ним потому, что была очень нам нужна, и она это чувствовала. Когда она уходила, всегда было ощущение, что чего-то не хватает, что что-то не так. Таких старушек имел в виду Вертинский, когда пел песню «Доченьки»: «Я каких-нибудь добрых старушек специально для них заведу...»

Часто во время её приходов мы сидели все вместе, Вриенна Петровна нам что-нибудь рассказывала, а я «ковыряла» иголкой, чиня одежду. Её присутствие вносило какое-то умиротворение в душу. В её присутствии невозможно было бы с кем-то ругаться. (Естественно, речь идет не о нецензурной брани, а о простом препирательстве.)

Незадолго до нашего знакомства у Вриенны Петровны умерла подруга. Так было приятно услышать: «Вы мне посланы взамен Евгении Ивановны».

Тем летом в Петербург приехала моя знакомая из Парижа, дочь русских эмигрантов первой волны. Мне хотелось их познакомить и это удалось. У меня есть фотография, сделанная парижанкой, на которой Вриенна Петровна и я стоим около дома, где я тогда жила. Наверное, в связи с этим знакомством у нас зашел разговор о послереволюционном исходе русской аристократии и интеллигенции из России. Брат отца Вриенны Петровны эмигрировал. Она одобряла решение отца остаться в России. Неоднократно заходил об этом разговор и Вриенна Петровна повторяла: «Мы бы там бедствовали». Она не считала, что она бедствовала здесь. Это при всех тех бедствиях, которые пережила она и вся её семья: потеря всего имущества и имени предков, голодовок, высылка и тюрем! А ведь ей было с чем сравнить. Когда-то её мама рыдала:

«Как мы будем жить в такой тесноте?!» Это когда им из 13 комнат оставили 5 на пять человек. Потом ей пришлось жить по – всякому. Наверное, тот чердак в Песочной, где она провела свои последние годы, был её самым хорошим послереволюционным жилищем. Там всё же была одна изолированная клетушка и помещение для приготовления пищи, где стояла плита и была вся кухонная утварь. Кстати, таким диссонансом всему остальному убожеству являлся рояль, занимавший минимум половину комнаты. Так жалею, что не узнала, откуда он взялся. Скорей всего Вриенна Петровна его купила по дешёвке. Рояли не вписывались тогда в квартиры типа хрущёвок. Музыка Вриенна Петровна очень любила, сама, конечно, играла на этом рояле. Помню, что при од-

ном моем посещении там стояли ноты Шопена.

А в Кировске, в Хибинах, где они провели много лет, у них была одна комната в бараке. Вриенна Петровна рассказывала один эпизод, когда с гор сошла лавина, смела два барака полностью, а их засыпала снегом. Мамы тогда дома не было. Они были вдвоём с отцом. Их откопали, а более 100 человек погибло.

Шесть лет было Вриенне Петровне, когда в России произошла революция, но помнила она о последующих годах довольно много. Конечно, официальные перипетии знала по рассказам отца. А дело было так: сначала Аничков дворец передали НК продовольствия. В марте 1918г. это ведомство, в числе других, перевели в Москву в связи с переносом туда столицы. Отец Вриенны Петровны не вошел в число служащих, взятых в Москву. Он был «уволнен в первобытное состояние», как гласил приказ. Однако, это «первобытное состояние» длилось недолго и вскоре сменилось арестом. О дальнейших событиях можно только строить предположения. Каким-то образом об аресте отца узнал тогдашний гетман Украины и бывший генерал царской армии, П.П.Скоропадский. Вероятно, они встречались по службе. В результате его просьбы, Петр Александрович Ерехович был отпущен на Украину, т.к. был украинцем. (Кстати, сами они все называли себя русскими, не разделяя на ветви эту единую нацию.) У его мамы было имение в Верхнеднепровском уезде Екатеринославской губернии. Туда и отправилась семья. Пребывание там осталось в памяти Вриенны Петровны набегам различных банд, которые грабили всё, на что падал их взгляд, а также одним махновцем, который встал на их защиту. Помнила она и то, как убили выстрелом в затылок брата её отца, который жил вместе с ними.

Екатеринослав был переименован в Днепропетровск. Там кончила Вриенна Петровна школу, как раз в том году, когда второй раз арестовали отца: в 1927 г. Его «угнали», как она выражалась на Соловки.

Семья вернулась в Петербург, но не в полном составе. Кроме Вриенны Петровны, было ещё двое детей: сестра Мария, 1907г.р., чьей крестной мамой была вдовствующая импе-

ратрица, Мария Федоровна, и брат Николай, названный в честь Николая II, который был его крестным отцом.

Мария осталась в Днепропетровске, где она окончила к тому времени фельдшерскую школу и хотела поступить в медицинский институт. Из-за её происхождения это было не так просто сделать. Пришлось пройти большие испытания. В конце 20-х годов Мария приняла участие в борьбе с эпидемией скарлатины на Украине. Заболела сама, была на волоске от смерти, но выжила. Примерно в тот же период работала с голодающими, оказывая им медицинскую помощь. После этого её приняли в институт, потом исключили из-за отца – генерала, через какое-то время восстановили и, в конце концов, она его окончила. Об её дальнейшей судьбе – речь впереди. А пока вернёмся в Петербург вместе с Ларисой Дмитриевной, мамой Вриенны Петровны, и её маленьким братом, Никой, которому в 1927 г. было 14 лет.

Что ждало в Петербурге в 1927 г. семью бывшего царского генерала, сидящего на Соловках? – Их не только не брали на работу, их даже не ставили на учет на бирже труда, т.к. они не были «членами Союза», как это называла Вриенна Петровна. В конце концов, она устроилась работать на конвейер на заводе «Красный треугольник», выпускавший в течение десятилетия резиновые изделия: вся Россия ходила в их галошах. Было ей тогда лет 16. А некоторое время спустя, нашла работу и Лариса Дмитриевна. Она была медсестрой.

В 1932 г. началась паспортизация. Таким Ереховичам паспорта не выдавались. Им предлагалось уезжать. Однажды их вызвали «органы» и повели разговор на эту тему. Ника сказал: «Но нам некуда ехать. У нас ни где нет родственников». Ответ был такой: «Меня это не касается. Хоть на облака». Взбешенный Ника решил остаться в Петербурге нелегально, а мама с дочкой поехали на Север. Примерно, в это же время Петра Александровича досрочно освободили с Соловков, назначив местом жительства Мончегорск. Не знаю дальнейшие перипетии их судеб, но, в конце концов, они обосновались в Кировске. До окончания техникума Вриенна Петровна работала на разных случайных работах. Например, перебирала картошку в хранилище. Ларисе Дмитриевне работу по специальности медсестры найти было нетрудно. Предполагаю, что нередко семья и жила («не бедствуя») на её зарплату в 45 руб., примерно...

В бумагах, оставшихся у Вриенны Петровны, есть черновик заявления Петра Александровича, направленный по месту его работы на Украине до ареста, в котором он просит послать ему копию его «послужного списка, необходимого для исходатайствования пенсии», датированного 7 декабря 1937г. и посланного из Кировска. Он указывает, что находится на иждивении жены, «нигде не работая по болезни».

Кстати, рядом с этим черновиком хранился экзотический документ. Воспроизведу его точно таким, каким он был составлен: «Ц.штаб рудсоревнования УСЛАГ – ОГПУ.1 отделение». Затем крупными красными цифрами: «№7566» и ниже: «Ударник, з/к Ерехович Петр Александрович. Ст. УК 58 4-6 Срок 10. Соц. происхождение – дворянин. Время вступления в ударную бригаду: 22 февраля 1932 г.»

Продолжение, на стр. 4.

Добрая фея и ее семья

Продолжение. Начало на стр 3.

А в графе «общественные нагрузки» указано: преподаватель русского языка в школе, член каких-то кружков. Заполнявший карточку в графе «Грамотность» написал «среднее».

Судя по тому, что во время войны Петр Александрович не имел вообще никакой продовольственной карточки, пенсию он так и не получил. Знаю это из рассказов Вриенны Петровны о том, как она, работая на комбинате «Апатит» и питаясь в столовой, съедала только жидкое, а всё твердое складывала в кастрюльку и приносила отцу. Можно представить, что и сколько было в этой кастрюльке и чего это стоило Вриенне Петровне! – лишать себя всего, кроме супа. Долго протянуть на этом было невозможно и в 1942г. Петр Александрович скончался, по существу, от голода.

По рассказам дочери, Петр Александрович был человеком обаятельным, располагал к себе. К нему даже на Соловках относились неплохо. Например, охранники пилили за него дрова (И охранники бывают разные!), а потом его перевели работать в библиотеку по состоянию здоровья. Ведь он попал на Соловки, будучи уже пенсионного возраста – за 60.

В старости он был очень благообразным. Вриенна Петровна рассказывала, что в Кировске он оставался дома один, т.к. Лариса Дмитриевна и Вриенна Петровна работали, и к нему приходили женщины «посмотреть» на него. К тому времени он стал очень молчаливым, а женщины и не пытались его разговорить, беседа не завязывалась и они просто любовались им. На фотографии у него лицо доброе, с чуть иронической улыбкой. Когда Вриенна Петровна рассказывала мне об этих женщинах, я сказала: «Я бы тоже самое делала».

Петр Александрович нравился не только простым русским бабам, но и императрице Марии Федоровне. (Пожалуйста, не углядите чего-нибудь оскорбительного в слове «бабы»). Для меня нет ничего выше этого «звания». По-моему, если Россия ещё жива, то только благодаря русской бабе.) Она приглядела его задолго до начала его работы в Аничковом дворце. Они встречались на придворных балах, большой любительницей которых была Мария Федоровна, в отличие от своей невестки, Александры Федоровны. Позднее была работа Петра Александровича начальником санитарного поезда под попечительством Марии Фёдоровны во время и сколько-то после войны с Японией 1904г. Русские царицы всегда опекали подобные заведения, особенно в военное время. В мирное время они занимались благотворительностью. Эта традиция пошла с жены Павла I, которую в России тоже звали Мария Фёдоровна. Недаром её имя вошло в официальное название: Ведомство Марии Фёдоровны, оставшееся таковым и после её смерти. Последняя Мария Фёдоровна звала Петра Александровича просто Петруша.

Петр Александрович неоднократно упоминается в дневнике Николая II. Он тоже звал его по свойски: «Петюшей». Видимо, существовала традиция участия дежурных офицеров в утренних царских трапезах. И «Петюша деж.» там фигурирует довольно часто.

Отец П.А.Ерехович.

Особенно во время летних пребывания в Петергофе. А в записи от 9 июля 1904г. Николай II пишет: «Осмотрел новый санитарный поезд Мама, комендантом которого состоит полк. Ерехович.» По петергофским впечатлениям Петр Александрович рассказывал своей дочери, а она мне, как её отец, будучи дежурным офицером, снимал с деревьев младшую сестру Николая II, Ольгу, которая росла от важным сорванцом.

Передо мной лежит фотография Петра Александровича, подписанная 1904-м годом. В этот момент было ему 38 лет. В военной форме, с эполетами, на груди множество наград, среди которых несколько крестов.

В рассказах Вриенны Петровны об отце меня удивили некоторые факты. О первом она рассказывала так: когда в Екатеринослав пришли белые, Петр Александрович пошел в их штаб, чтобы получить освобождение от военной службы по состоянию здоровья. Вернувшись домой, он сказал: «Они сволочи». Это ей запомнилось потому, что отец никогда не ругался и это слово не употреблял. Так хочется думать, что это были не настоящие белые, а какая-нибудь из многочисленных банд, которых на Украине было множество, так же, впрочем, как и на Дальнем Востоке. Кто угодно мог выдать себя за белых. Второй факт не менее удивителен: Петр Александрович не был сторонником того режима, который был в России до революции. Удивляться тут нечему: кто только и с каких только позиций его не критиковал в предреволюционные годы!

Я думаю, никто не станет утверждать, что послереволюционный режим был мягче царского, а Петр Александрович, критикуя царский, лояльно относился к сталинскому. В Кировске, после арестов и Соловков над кроватью Петра Александровича висел портрет Сталина. Едва ли это можно приписать мимикрии. Видимо, настолько действенной была официальная пропаганда.

Не менее поразительно, что сталинисткой была и сама Вриенна Петровна. (Правда, не до конца жизни.) Вот какие мысли и чувство посетили её 1 января 1954 г.:

*В тот час, холодный час,
когда о смерти мы его узнали,
Когда рука в руке с подружкой
близкою на митинге стояли,
И слёзы застлали всё кругом,*

*И с сердцем полным горечи о нём,
Мы еле слышали слова ЦК*

*воззвания,
И только скорбной музыки в ушах
было звучанье,
Тогда особенно мне стала мысль
ясна,
Что друг лишь тот, кому твоя
святыня дорога,
Тот, у кого с тобой одни пути,
Кто-то же ценит в жизни, что и ты.
А тот, кто слез тогда о нем не лил,
Отныне сердцу моему не мил.*

Вриенна Ерехович.

Это стихотворение имеет надпись: «На память Зосе Яновне.»

В том, что Вриенна Петровна была совершенно искренна, не может быть сомнений. Она была неспособна кривить душой. Ей не надо было втираться в доверие к властям, внушать знакомым ложное представление о своих взглядах.

В связи с этим я вспоминаю, как часто недруги А.А.Ахматовой ставят ей в упрёк, да ещё с какой язвительностью! Её хвалебное стихотворение Сталину. А ведь не исключено, что и она, и А.Н.Вертинский, аналогичное стихотворение которого любят цитировать, были тоже искренни. Другой вопрос, насколько эти похвалы были заслужены.

Заканчивая данную тему, замечу, что к моменту нашего знакомства взгляды Вриенны Петровны на нашу историю изменились, и нам не трудно было находить общий язык.

Как-то так получилось, что Вриенна Петровна много рассказывала мне об отце, а о маме, Ларисе Дмитриевне, очень мало. Я больше узнала о ней от соседки, Зоси Яновны, и от тех знакомых, которые подарили мне Вриенну Петровну и которые очень радовались нашей дружбе.

Родилась Лариса Дмитриевна в Иркутске в 1883 г. Её девичья фамилия Ларионова. Её отец был полковником царской армии. Получила она образование в институте благородных девиц в Омске. Не исключено, что там же приобрела профессию сестры милосердия. (В некоторых институтах давали профессиональные знания. Например в Ксенинском институте в Петербурге девочек готовили для работы бухгалтерами на железной дороге. В Смольном институте был класс, который выпускал учительниц). А может быть, после института она окончила курсы сестер милосердия. Так или иначе, но в 1904 г. она работала по этой специальности в санитарном поезде Марии Федоровны, комендантом которого был Петр Александрович Ерехович. Там они и познакомились. Лариса Дмитриевна была на 17 лет его младше. После женитьбы жили в Петербурге, а точнее, в Кронштадте, где Петр Александрович после расформирования санитарного поезда служил командиром 2-го Кронштадтского крепостного полка.

И вот, эта дама-выпускница института благородных девиц, жена генерала, входящая в императорскую семью, рыдавшая, что её семье из 5 человек оставили только 5 комнат, стала женой з/к, живущей в бараке, а потом на чердаке дома без всяких удобств. И она научилась топить печку, таскать дрова со двора на третий этаж, приносить воду, выносить помой и т.д.

И всё это она делала без жалоб, с шутками, весело до самой смерти, а умерла она 93 лет. Соседка Вриенны Петровны говаривала, что никогда не видала Ларису Дмитриевну в унынии. (Она и на фотографиях улыбается.) А ещё она отмечала, что ни разу не была свидетелем ссор мамы с дочкой, а, конечно, все звуки с чердака были слышны Зосе Яновне.

Об их идеальных отношениях, которые не испортили нищета и бытовые трудности, свидетельствует косвенно и известный в своё время в религиозных кругах Петербурга протоиерей Александр Медведский. Передавая привет Ларисе Дмитриевне в письме к Вриенне Петровне, он пишет: «Привет моей старинной прихожанке-слушательнице в церкви. Я разумею Вашу мамашу – Ларису Дмитриевну, а с ней и Вас, т.к. Вы с ней составляете единое целое». Кстати, к этому письму приложено и стихотворение о. Александра, которое начинается словами:

*«Святая Русь, не уходи,
Останься жить в нашей груди.
Стои перед совестью горящею
лампадой,
Средь мрака горестей свети для
нас отрадой...»*

Лариса Дмитриевна умерла в 1976г. Вот как откликнулись на её смерть знакомые Вриенны Петровны. Письмо от 29 июня 1976 г.: «...Мы-то хорошо знаем, кем была для Вас мама. Она была мамой, другом и всем на свете. Да ещё такая мама, как Лариса Дмитриевна – человек необычайный по натуре своей, женщина героическая, незаурядная по нашим представлениям и всех её знавших. Человек вообще и во всём.... В нашей памяти Лариса Дмитриевна навеки сохранится светлым необыкновенным человеком. Таких мы знали очень мало..., а также навсегда запомнится редкостная святая взаимная привязанность между Вами». В этом письме они вспоминают пример самоотверженности Вриенны Петровны: Ларисе Дмитриевне было уже 90 лет. Однажды на службе в Троицком соборе Александро-Невской лавры она упала без сознания, её увезли в больницу, где она пролежала 2,5 месяца. И все эти 75 дней Вриенна Петровна неотлучно находилась в больнице днём и ночью. Спала или в ногах на одной кровати с Ларисой Дмитриевной, или сидя на стуле. Благодаря её уходу Лариса Дмитриевна поправилась.

А вот ещё один отзыв старого знакомого семьи Ереховичей: «Лариса Дмитриевна была очаровательная женщина, полная энергии, доброты, ума и юмора».

Мама была не единственной опорой и утешением Вриенны Петровны. Им обеим помогала жить вера в Бога и церковь. У обеих не одно десятилетие был духовным отцом уже упоминавшийся о. Александр Медведский, последним местом службы которого был Никольский морской собор в Петербурге. Часто туда ездить Вриенна Петровна не могла и они стояли в переписке. Несколько писем сохранилось. Часто в письмах, адресованных Вриенне Петровне, были его стихи. Одно из них называлось «Наедине с любимым собором». По нему чувствуется, как он

любил Никольский собор и свою паству. Прихожане отвечали ему тем же и тоже иногда выражали свои чувства в стихах. Предполагаю, что одно сохранившееся в бумагах Вриенны Петровны, сочинено ею. Оно полно любви и уважения к этому человеку, который, судя по одному четверостишию, не всегда был угоден власти имущим:

*«Вы видели обиды и гоненья,
Предательство встречали*

подлецов,

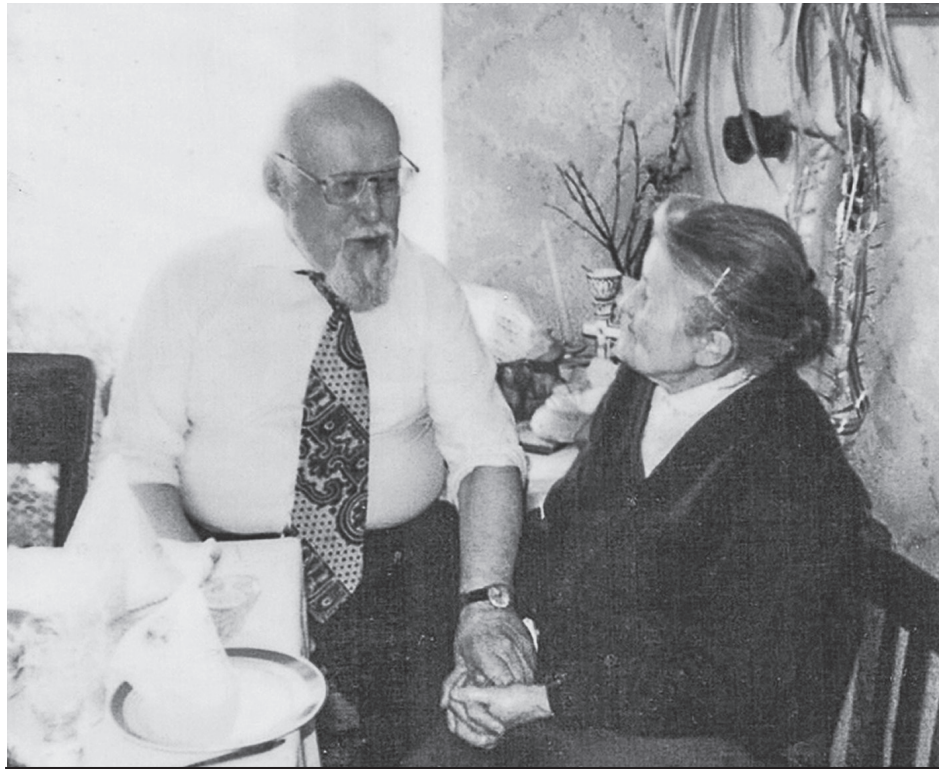
*Вы от невежд терпели оскорбленья
И клевету завистливых глупцов...»*

Будучи уже очень больным, он писал Вриенне Петровне письма. Только однажды пасхальное поздравление написано не его рукой и подписано: «Уважающие и любящие Вас Медведские». Наверное, последнее письмо Вриенне Петровне написано 19 декабря 1972 г. Это ответ на высказанное Вриенной Петровной предположение о переживаниях о. Александра в связи с уходом со службы, похоже, что не добровольным. Он её успокаивает: «Что касается моего настроения, то Вы ошибаетесь, Это меня тяготит болезнь телесная. Духом же я бодр и воля Божья мне не служить – уже не смущает мне сердце. А насчёт еп. Милитона, то и тут ошибка: он ко мне смертельно равнодушен и, если проявляет внешнее расположение, то чтобы расположить к себе народ, который меня оценил слишком высоко. Он всею душой и сердцем принадлежит «Мао». Нет никакого у меня желания оставлять Академии или плеяде «опричников» – своих трудов. Пусть они позабудут обо мне, как и я о них. Мне вполне достаточно того, что я с уверенностью могу сказать, что не напрасно прожил жизнь». После этого письма о. Александр не прожил и двух месяцев. Он скончался 9 февраля 1973г. (Что подразумевалось под «Мао» – можно только догадываться. Спросить некого.)

Мне кажется уместным включить в рассказ о Вриенне Петровне и её семье письмо об о. Александре, озаглавленное «Памяти любимого пастыря». Уместно по двум причинам. Во-первых, потому, что он играл очень большую роль в жизни Вриенны Петровны и её мамы, а во-вторых, потому, что рассказать о замечательном человеке, ещё раз почтить его память – никогда нелишне.

Вот это письмо, подписанное: «Прихожане Никольского собора»: «Духовный Петербург (в подлиннике Ленинград, но так не хочется видеть в хорошем письме это сатанинское имя! Н.К.) понёс невосполнимую утрату – умер проповедник редкого дарования о. Александр Медведский, более 60 лет жизни отдавший служению церкви. Прощаясь с ним, ректор духовной Академии еп. Мелитон сказал, что мы могли с полным правом называть о. Александра петербургским Златоустом. А о. Игорь Ранпе считал знаменательным, что и умер о. Александр в день памяти Св. Иоанна Златоуста (27 янв. – 9 февраля).

О. Александр был человеком исключительных дарований. «Он говорил, как власть имущий». Для него проповедовать было так же необходимо, как дышать. С первых же слов он всецело завладевал аудиторией, его проповеди были интересны и доступны малообразованным людям и людям высокой культуры. Его беседы вовсе не были плодом минутного вдохновения. Подготовка к ним он отдавал всё своё время, собирая ма-

Архиепископ Михаил Мудьюгин и Вриена. 1990 годы.

териалы всегда и везде, читая книги, а читал он очень много и духовной, и светской литературы. Все мысли, могущие ему пригодиться, выписывал в специальные тетради. Обдумав проповедь, он записывал её всю, а затем отпечатывал на машинке... В одной из своих бесед он нарисовал образ пастыря, идущего по полю и собирающего для своей паствы самые благоуханные цветы... Таким пастырем он и был. Он трудился буквально до последних дней своей жизни. Истощенный тяжелой болезнью, он всё же за одно последнее лето написал более 14-ти обстоятельных бесед на разные темы. Его жизнь – пример беззаветного пастырского служения. Как жаль, если не позаботятся представители Церкви сохранить его беседы в помощь молодым священникам.

Сколько лет подряд, каждую среду, бросив все дела, мы спешили в Никольский собор на акафист. Запоздавшем с трудом приходилось пробираться. Весь храм пел и сиял. Но вот выходил о. Александр... – церковь замирала. И уводил он нас от мирской суеты к истокам воды живой, будил наши умы и души и звал искать Бога, стремиться к нему. Он раскрывал нам целый мир новых мыслей и образов: то вёл он нас к святыням Древней Руси; то заставлял удивляться жизни тех, кто целиком отдался служению Богу; то терпеливо разъяснял значение тайн Царствия Божия.

Замолк голос любимого пастыря, но в душах наших он продолжает звучать. Великое ему спасибо за всё-то доброе, что пробудил он в наших сердцах».

Потребность прилепиться к кому-то душой была так свойственна Вриенне Петровне, что она не жила без привязанности к пастырю. **Во всяком случае, с 1957 г., т.е. со времени возвращения в Петербург, последним священнослужителем, который был её кумиром, был сегодняшний патриарх Кирилл. Я услышала рассказы о нем от Вриенны Петровны в его бытность Смоленским митрополитом. К сожалению, мало что помню из её рассказов, но кое-что помню. Например, её слова: «Я доверяю владыке на 120 %». В свои за 80 лет она ездила за сотни километров, чтобы повидать его и, предполагаю, исповедоваться и причаститься. В одной из таких поездок в Смоленск,**

вероятно, последней, в августе 1997 г., она пробыла там много дольше, чем собиралась, потому, что владыка отобрал у неё обратный билет, оставил еще, примерно, на неделю, а потом отправил с кем-то ехавшим в Петербург. Этот эпизод позволяет предположить, что обожание митрополита Кирилла не было уж совсем безответным. Я не сомневаюсь, что Его Святейшество помнит Вриенну Петровну и сегодня.

Наверное, тех, кто родился и жил в Петербурге, всегда будет тянуть вернуться туда. Примерно, 25 лет провела семья Ереховичей на Севере, в Кировске и все эти годы они мечтали вернуться в Петербург. После 1956 г. это стало возможно. Но где жить?! Выход нашла подруга по Кировску, Зоя Яновна. Она жила в это время в Песочной, недалеко от Петербурга, в двухэтажном доме, купленном её отцом. Он переделал чердак под жилое помещение и продал его Вриенне Петровне с мамой. Они сумели накопить денег, живя в режиме строжайшей экономии, да и жильё тогда стоило не так дорого, как сейчас. Они обе с мамой работали и ради переезда в Петербург готовы были всего себя лишать. Точную дату вселения не знаю, но в 1957г. оно уже состоялось, судя по сохранившемуся проездному билету на электричку от Песочной до Петербурга.

Поселившись в Песочной, Вриенна Петровна поступила работать во ВНИИ галургии химиком-аналитиком. 3 марта 1961 г. директор института издал приказ в честь 50-летия Вриенны Петровны, в котором, в частности, говорилось: «Отлично владея иностранными языками, Вриенна Петровна охотно помогает товарищам в переводах научных статей. В течение ряда лет она преподавала в кружке английского языка».

Наверное, это был хороший период в жизни Вриенны Петровны. Она имела возможность бывать в своём любимом Петербурге; у неё была работа, где её ценили; ещё была жива мама и её любимый духовный отец – протоиерей Медведский... И возможно, боль от несостоявшегося союза с любимым человеком к тому времени утихла.

Вриенна Петровна никогда не говорила со мной о своей любви. И удивляться этому нечего: мы были знакомы всего 7 месяцев, из которых два

последних были вычеркнуты болезнью. Мы не успели, мы многое, что не успели. Вопреки тому, что я всё время держала в памяти: надо *bruler des etapes*. В дословном переводе это означает: сжигать этапы. Сомневаться в том, что у Вриенны Петровны была любящая душа, невозможно. Конечно, она должна была кого-то любить и женской любовью.

В бумагах, оставшихся после её смерти, есть три листочка, позволяющие заглянуть в душу Вриенны Петровны и узнать о ней чуть-чуть больше, чем она рассказывала при жизни.

Первый – это пожелтевший тетрадный листок, на котором есть дата: 26 марта, но, к великому сожалению, без года. И есть заглавие: «Душа моя мрачна». Оно поставлено в кавычки. Видимо, взято из какого-то стихотворения. Содержание соответствует заглавию: «Эти дни так печально на душе и одиноко, что надумала вновь вести дневник... Не иду ли я все эти годы назад? Вероятно, да, хотя самому себе в этом даже не признаёшься. И привязанность к В.И. опустошает мне душу, ничего не давая взамен. Вчера на улице у него были такие злые глаза, что я решила, наконец, что с этим надо кончать. Хватит. Больше четырёх лет длится эта бесплодная борьба. Зачем добиваться любви человека, который никогда тебя не поймёт и которому всё равно до тебя. Но, чувствуя, в душе всё равно не умерла надежда, и это лишь очередной тактический ход: «Не буду его видеть – соскучится». Что ж, попробуй! Только я сомневаюсь в успехе. Но до педсовета я его не увижу». Так кончается единственная дневниковая запись, дошедшая до меня. Безответная любовь, длившаяся 4 года. А, может быть, всю жизнь? Хотя год на записи не указан, но можно догадаться, что это было до 1957 г., т.е. до переезда в Петербург, когда Вриенна Петровна работала в Кировске учительницей. Ясно, что это был её коллега, раз она знала, что увидит его на педсовете.

Как бы хотелось узнать больше о сердечных привязанностях Вриенны Петровны! Можно не сомневаться, что она была способна на большую настоящую любовь, на преданность и верность. Её любовь была безответной, судя по «злым глазам» при встрече на улице. Впрочем, в записи это сказано прямо: «Зачем добиваться любви человека...»

В бумагах Вриенны Петровны есть ещё одно письмо частного характера, написанное мужчиной. Письмо времён войны Оно написано на грубой бумаге почти коричневого цвета. Листы вырезаны из какой-то домовой или бухгалтерской книги, разлинованной по горизонтали и по вертикали. Мне это письмо кажется интересным, и я хочу привести его полностью. Написано оно в ноябре 1944г. человеком воевавшим, раненым, которого жизнь явно не балует. Это знакомый Вриенны Петровны по Кировску.

Вот это письмо: «Добрый день Вриенна Петровна! Благодарю за телеграмму и письмо, которое получил 24 ноября 1944г. Вечером отвечаю. Освещение почти первобытное – фонарь «летучая мышь». Пишем двое – коллега шофёр Михайлов. О житье-бытье: живём четверо, комната около 20 метров, в ней плита. Ни уюта, ни должной чистоты. Вспоминаю поэтому часто Кировск. Живём весьма дружно, организовали коллективное питание, но всё, же и так обходится дорого.

Продолжение, на стр. 6.

Добрая фея и ее семья

Продолжение. Начало на стр 5.

Продаём личные вещи, но не гоюем. Радует одна природа – погода стоит очень хорошая, солнечная. Вот три дня ходили в одних пиджаках. Совершенно не думаем о зиме.

Чувствую себя лучше, чем в Кировске, но всё же кажется, всё ещё у меня «эта дрянь» не выскочила. Бывают моменты полной угнетённости, голова болит значительно реже. Как видно, придется побывать в Москве и четвёртый раз. (Мешают сосредоточиться «сожители»: в ушах всякие и всяческие разговоры в полный голос.)

Музыку, если и не люблю, то всегда с охотой слушал. Этого удовольствия здесь лишён – в клубе одна «танцуйка». Радио нет – если и не медвежий, то всё же «уголок». Здесь негде развлекаться. Кино редко. Сеанс растягивается на 3-3,5 часа с «антрактами» сопровождающимися свистом, воем, улюлюканьем: киномеханик рвет ленту или гаснет свет. В ДК – дом культуры – основное – танцы. Редко халтурные постановки. Не хожу – ничего не дают. Основное развлечение – «забиваем козла». На меня здесь посматривают как на диковинку – мой дефект в разговоре. Не обращаю внимания. Привык. Согласен с Вами, что здоровье – это лучшее счастье в жизни. Его у меня нет и не будет, за что всё чаще «благодарю» завод и кое-кого, а Вы знаете кого. Прошу не принимать столь близко к сердцу моё нездоровье, поверьте, мне от этого лучше не станет, а Вы только сами расшатываете нервы, а они у Вас должны быть крепкими. Вам их достаточно треплют «малыши». Вы незаслуженно дорого расцениваете мою улыбку. Надо сказать, что смех и улыбка почти забыты мною: ни то, ни другое по-человечески у меня не получается. Всё это было раньше, прежде. Чувствую сам, что замыкаюсь в себе и часто задаю вопрос: зачем живу? Отвечаю: из-за сына. Это поддерживает. Не знаю, как надолго.

Вам я очень и очень благодарен за всё хорошее, сделанное для меня. За Ваше сочувствие. Но я настолько очерствел и огрубел, что трудно определить границу этого. Только прошу: не высказывайте жалости. Больного лечит могила. Туда дорога и намечается, правда, раньше, чем следовало бы, но что ж! – не каждому улыбается выпавшее на мою долю «счастье». Своим письмом Вы многое во мне разворошили. Ничего, ничего! – Неплохо иногда заняться «архивом»!

Болезнь абсолютно убивает всё. Живёшь, говоришь и т.п., но скорей как манекен, а не живой человек. Делаешь всё как-то механически. Чертовское состояние и не видно из него выхода, кроме ОДНОГО.

Партизанская карьера Юрия кончилась. С 25-го октября – воин Красной Армии, зачислен в Горно-стрелковую лыжную бригаду. Находится недалеко от Кировска. Пишет, что живет неплохо – поправляется после болезни.

Вриенна Петровна, 8 ноября у меня состояние было такое, что, если бы не «сожители», нарезался бы до зелёного змея, т.к. (между нами) часть из находящихся здесь людей просто неприятна. Просил директора отозвать в Кировск. Жду решения, пусть даже в ущерб здоровью. И что за счастье на

мою долю выпадает? Обратным рейсом, если отзовут, проезжая Москву, загляну четвёртый раз в госпиталь – выяснить степень здоровья.

Ну что ж, Вриенна Петровна, пожелаю Вам всего, всего наилучшего! Прошу, не обижайтесь и не гневайтесь на получеловека. Мне и так достаточно тяжело. Будет время – пишите. Адрес несколько изменился: ул. Будённого 70, а не 57. Сбежал от приятных друзей.

С приветом, Васильев.»

Перечитанное много раз и переписанное письмо продолжает оставаться для меня загадкой. Столько вопросов возникает! А спросить некого. Эх, кабы ещё письмо Вриенны Петровны сохранилось! По письму Васильева чувствуется, что это ответ на письмо ласковое. Но сердечные ли это дела? Очень может быть, что этот человек был для Вриенны Петровны тем, что англичане называют «хромой уткой!» (Lame duck), т.е. человеком больным физически или попавшем в очень трудный переплёт, человеком, которому надо помочь. Впрочем, зачем нужна английская «хромая утка», когда есть прекрасное русское слово «подранок»! Вриенна Петровна не могла пройти мимо человека, нуждающегося в помощи, и не попытаться помочь. (Иногда думаю, что и к нам она ходила потому, что знала, как была нам нужна. Она была доброй феей. В то же время ей у нас нравилось, коли она говорила, что чувствует себя у нас, как дома. Какую радость мне доставили эти её слова!)

Много неразрешимых загадок в этом письме. Эх, не успели мы дойти с Вриенной Петровной в сближении «до степеней известных»! Как много ещё она могла бы рассказать интересного.

Мой рассказ о Вриенне Петровне подходит к концу. Осталась самая грустная его часть. В ноябре 1997 г. она простудилась. Мы долго не виделись. Примерно в середине месяца я поехала её навестить. И не смогла. У неё был несколько сниженный слух и она не услышала мои звонки вопреки тому, что я звонила долго, даже крышка от звонка отлетела. Принялась стучать – тоже бесполезно. Обошла дом и стала кричать её имя в окна. Она была дома, но не слышала. Тут сыграло свою роль и то, что у неё говорило радио. Если бы была дома её соседка-подруга, Зосия Яновна, она открыла бы мне, конечно, дверь, но как назло на 2-ом этаже никого не было. Я обратилась к живущим на 1-ом этаже. Они пытались мне помочь, но ничего не добились. Пришлось уезжать, не повидав Вриенну Петровну. Думала ли я тогда, что упущена последняя возможность её видеть!

А потом был звонок Зосии Яновны: произошла трагедия. Вриенна Петровна получила сильные ожоги на очень большой площади. Вот как это произошло: Вриенна Петровна обогревалась электрическим обогревателем с открытой спиралью и на ней вспыхнул синтетический халат. Зосия Яновна говорила, что она очень страдает, не хочет никого видеть. Вскоре её увезли в больницу в Сестрорецк. Вроде бы была надежда на выздоровление. Потом медики решили сделать операцию то ли по удалению коро-

сты, то ли по пересадке кожи. В правильности такого шага были сомнения, но Вриенну Петровну убедили, что это ускорит заживление и она согласилась.

По рассказу Зосии Яновны, которая постоянно навещала её в больнице, хотя была младше её совсем ненамного, её положили на каталку, она была спокойна и улыбалась, потом ей дали наркоз и она тут же умерла. Кто-то говорил, что из-за передозировки...

Вот так не стало нашей доброй феи. Той самой «доброй старушки», какую собирался завести А.Н.Вертинский для своих доченек: «...Я каких-нибудь добрых старушек специально для них заведу.»

Как уже упоминалось, школьный приятель Вриенны Петровны называл её «последней русской аристократкой». Это по происхождению, по крови, а по воспитанию, по поведению, по душевному складу она была типичная смолянка. Конечно, не такая, какими они показаны в современном сериале! Душевная чистота, некоторая наивность и в 86 лет, спартанский образ жизни, высокое понятие о дружеских отношениях, верность своим убеждениям, всегдашняя готовность помочь нуждающимся в помощи. Тем, кто усомнится в верности моей характеристики этого племени, советую прочитать книгу Альбины Даниловой «Благородные девицы. Воспитанницы Смольного института», М.2004г. Сама я пользуюсь ещё впечатлениями от личного знакомства с двумя смолянками, что считаю большой удачей своей жизни.

Накануне несчастного случая Вриенна Петровна была полна физических сил; у неё было столько желания помочь всем на свете; она никогда не была в мрачном настроении (во всяком случае на людях); она могла бы ещё жить, да жить! Уже одно то, что она ездил за сотни километров, чтобы встретиться со своим пастырем, говорит о её жизнеспособности. А разве поездки к нам со множеством пересадок могла бы совершать немощная старушка!

Моя скорбь о ней усугублялась чувством вины. Ведь я была косвенной причиной её гибели. Когда Вриенна Петровна согласилась оставаться у нас ночевать, она принесла свой байковый халатик, и чтобы не таскать его каждый раз, оставила у нас. Кстати, у неё было, конечно, отдельное спаль-

ное место и даже в отгороженном уголке комнаты, где было очень уютно. Во всяком случае, ей там нравилось. Если бы в момент несчастного случая она была в этом халатике, оставленном у нас, она не получила бы такие ожоги, даже если бы он вспыхнул на ней. Он бы просто тлел, а не плавился, прилипая к коже. Она успела бы его скинуть...

На похоронах по православному обряду её знакомые не просто плакали, а почти рыдали. Там я лишней раз убедилась, что Вриенна Петровна была именно такой, какой мне казалась: бесконечно доброй, мягкой, умной, тактичной, самоотверженной. Быть с ней в дружеских отношениях было счастьем.

Похоронена она в Песочной, но могилы её уже не существует. Прошло 14 лет с момента её смерти, за могилой никто не ухаживал и она давно сравнялась с землёй...

Старшей из детей в семье Ереховичей была Мария, родившаяся в 1907 г. Я уже писала о том, через какие испытания ей пришлось пройти, чтобы получить высшее образование. Она добилась своего и стала врачом-хирургом. О её жизни я знаю очень мало. Была у неё в юности какая-то личная трагедия, в результате которой она, выйдя замуж, не могла иметь детей. Это явилось причиной того, что брак распался. Так она и осталась одна, хотя, судя по фотографиям, и со слов Вриенны Петровны – была красавицей.

Кроме фотографий, Вриенна Петровна хранила письма сестры. Их всего 4 и все 40-х годов. Мария была участницей финской и Великой Отечественной войн. Работала хирургом в военно-полевых госпиталях. В одном из писем она пишет о том, как выехала из Петербурга 15 января: «На сборы было у меня 2 часа времени. Зимний путь через Ладогу был очень интересен, но и очень тяжел... Долго стояли под Москвой. Жили всё время в теплушках. Каждый в своём котелке готовил на «буржуйке» пищу». Невозможно определить, о каком годе идет речь, но, точно, после зимы 1942-го, потому что дальше следует: «Сюда приехали 1 апреля. Да, я ещё не сказала, что приехала сюда с тем госпиталем, где работала зиму 1941-1942 г.г. Случайно попала в него опять. К сожалению, из старых работников остались не все, кого хотелось бы встретить. Нет многих моих дру-

Сестра Мария с мужем 30-е годы.

зей». Далее Мария сетует, что нет настоящей хирургической работы, хотя занята с утра до вечера. Пишет она и о том, как скучает о Петербурге, как беспокоится из-за отсутствия писем от её друзей. В этом письме Мария обращается к «мамочке и папе». Видимо, ещё не знает о смерти последнего.

В следующем письме есть такая фраза: «Я так мечтала повидать после войны папочку...» Это письмо дышит отчаянием, безнадежностью. И удивляться тут нечему. Оно написано после того, как она узнала о смерти отца, брата и об аресте своих близких друзей. О последнем она пишет иносказательно (Военная цензура не дремлет!) Речь идёт о супружеской паре и их детях: «А вчера я подробно узнала, что произошло с Ростиком, Всё до подробностей, как с нашим Дятлушкой («Дятлушка» – прозвище брата. Н.К.). А я-то думала, что теперь этого уже не бывает. Оля вряд ли жива... бедная Людмилочка, вероятно, останется сироткой».

Следующий абзац передает мироощущение Марии в тот момент. Я перепишу его полностью: «Мамочка! Что же мне сказать тебе? Мысли путаются. И ничего хорошего не вижу ни в себе, ни кругом. Одно горе. Про себя писать неинтересно и нечего. Опять всё плохое. Хорошего ничего. Всё у меня идет к худшему, а не к лучшему. С конца марта начала работать опять в институте на скучной «безрукой» работе (т.е. не хирургом. Н.К.) и это плохо, а всё остальное – ещё хуже... Вы с Роной вдвоём и вокруг Вас, в ваших двух комнатках старинный дух семейной жизни и семейного уюта. Вы сами не знаете, как это много. Сколько людей, по разным причинам, лишено этого утешения и может об этом только мечтать».

Вы скажите, что я опять только о себе думаю и сама во всём виновата. Нет! Не только о себе. Меня часто жизнь сводит с такими людьми, а я, конечно, это особенно воспринимаю...» Вероятно, под «такими людьми» Мария имела в виду людей, подвергнувшихся аресту.

Была в этой семье какая-то тайна, связанная с Марией. Вриенна Петровна никогда об этом не говорила, но на это предположение наводит несколько фраз из того же письма Марии: «Тяжело быть с раннего детства (слова «Раннего детства» подчеркнуты двумя жирными чертами. Н.К.) отрезанным ломтем в своей родной семье. Ну, да напрасно я об этом. Ничего не склеишь и не вернёшь...»

Заканчивается письмо тоже очень грустно: «Ах, мама, мама! Сказала бы я тебе много чего, да никогда ты не хотела постараться понять меня и теперь только обижаться, да сердиться на меня будешь, а и так горе велико и ужасно. Дай, Бог, только, чтоб хоть с Роной Вы были друг другу поддерживкой и утешением.»

Следующее сохранившееся письмо датировано полностью: 2 августа 1945г. «Дорогая мамочка! Вот уже третья неделя как я снова в дороге. На этот раз уже не на Запад, а на Восток. Едем в районе Минска и это всё, что я знаю сейчас. Что будет дальше – не знаю, но надеюсь всё же, что уж в этом году смогу к вам приехать... Скучно очень сейчас без писем. От почты давно оторваны и не знаю, когда удастся получить письма. Это письмо пишу уже правой рукой, хотя она ещё не совсем хорошо работает. (У Марии была травма руки, после которой пришлось ам-

путировать большой палец на правой руке. Для хирурга это трагедия. Н.К.) А Вы с Медведем (Прозвище Вриенны Петровны, данное ей сестрой. Н.К.) не скупитесь – пишите! Когда-нибудь я ведь получу все письма». Далее Мария спрашивает, что нужно им привезти из вещей и продуктов, боится оказаться бестолковой: «Вы вряд ли можете себе представить, до чего мы все (не только я, но все, кто с фронта) за эти 4 года потеряли представление и ориентировку в Вашей жизни».

И последнее, четвёртое, письмо написано 9 сентября 1945 г. в Молодечно: «Дорогая мамочка! Села писать письмо, а о чём писать и не знаю. Такой сумбур в голове. Так привыкла воевать, что не знаю, как и жить в мирных условиях. А сейчас жизнь и вообще ни на что не похожая. Отсюда пишу второе письмо. Здесь госпиталь должен развернуться по мирному, а городок так разрушен, что живём все в палатках. Местность унылая до слёз. Погода холодная, дожди, ветры. Хорошо, что и в самом деле за эти годы закалилась, как сталь, и благополучно мерзну в своей полаточке из полотна, в один намет, без окон, без пола, без печки. Проще сказать – живу на улице, только под зонтиком».

Вот и ещё одна война кончилась, Воображаю, как тебе были интересны сводки со знакомыми тебе местами и названиями! – Я всё думаю, как ты их слушаешь? – не так, как я. Мне все эти непонятные названия и не запомнить. Сейчас за всю войну наслаждаюсь, слушая громкоговоритель с ближайшей площади. Это одна радость жизни сейчас».

В ближайшее время надеюсь получить отпуск для лечения по месту жительства. Не дожусь этого дня. А дальше мысли путаются. Что предпринять? – Хочется приехать к Вам... А в Ленинграде надо заняться квартирным вопросом. Ведь зима на носу. И наконец: руку надо ещё лечить и лечить. Культия мешает. Надо ещё оперировать и теперь, уж конечно, я буду лечиться только в Ленинграде – у своих. Вот мысли и разбегаются: с чего же начать?

Так жаль, что уже осень, а лето прошло в дороге...» Далее Мария извиняется за бестолковое письмо. Чувствуется, что все мысли у неё об отъезде в Ленинград. Она даже даёт адрес, на который ей надо посылать письма: Ситнинская, 9, кв. 21.

Во всех письмах Мария спрашивала о своём младшем брате, о Нике, как звали его в семье и близкие друзья. Сама Мария прозвала его Дятлом. «Что слышно о Дятле?» «Как Дятел?» В последнем письме она спрашивает: «Что сейчас можно сделать ему самого полезного? Послать деньги или посылку? И что, именно, и куда?» Это письмо от сентября 1945г., Ника ещё жив, а в следующем письме речь идёт уже об очередной семейной трагедии: «Я так мечтала повидать после войны папочку, а вот теперь нет у нас и Дятла. Страшно писать такие слова и страшно думать. Почему-то все эти годы преследует меня одна картина: мы с Дятлушкой вернулись из театра домой (на пр. Бакунина, д. 33, кв. 6. Н.К.) и поём тебе «Доброй ночи» и «Мир Вам и счастье». Не знаю, что сказать ещё. Темно вокруг. После этого ужасного горя все дни хожу как в чаду», – пишет Мария. И снова восклицает: «И нет Дятлушки! Рона говорит: «Ты никогда брата не любила. Глупая она! Ничего-то она не понима-

Николай Ерехович брат.

ет! Жизнь и отношения людей – сложная штука. Вот с Дятлушкой мы нашли общий язык, когда он вырос, а теперь, если б вернулся, я бы имела родного брата».

О жизни Марии после войны мне ничего неизвестно, к сожалению. Умерла она в 1987 г. от рака горла.

Начиная рассказ о сыне Ереховичей, невольно повторяешь вышеприведённые слова Марии: о его судьбе страшно думать...

Родился Ника 15 августа 1913 г. в усадьбе Аничкова дворца и крестным отцом его был император Николай II. Как и обе его сестры, он получил прекрасное домашнее образование, учился в школе в Днепропетровске до 1927 г., а в 1931 году окончил школу №106 в Петербурге. Учась в школе, работал препаратором в физико-химической лаборатории Дизельного НИИ, чтобы иметь рабочий стаж для поступления в ВУЗ.

Сразу после окончания школы Ника делал попытку поступить в ИЛИ (Институт литературы и искусства) на филологический факультет по специальности «английский язык». В документах, хранящихся у Вриенны Петровны, есть соответствующее заявление. Так и представляешь, как оно писалось, как обдумывался каждый пункт анкеты. Ну, например, на самый трудный вопрос о социальном положении родителей до 1914г., Ника написал так «г. майор», где «г.» почти незаметно. Наверное, надеялся, что на неё не обратят внимания или не поймут, что это означает «генерал». Это не помогло. Он туда не поступил, но позднее окончил курсы английского языка и знал его очень хорошо. Мог ли он тогда предполагать, что эти хорошие знания явятся косвенной причиной его гибели!

В 1934 г. Ника поступил в институт истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ), позднее преобразованный в филологический факультет Петербургского университета.

Поступил вопреки своему происхождению, вероятно, потому, что за него ходатайствовал Институт науки и техники Академии наук СССР. В ходатайстве, в частности, говорилось, что Ерехович Н.П. выполняет задания Института в области истории животноводства и агрикультуры Древнего Востока. Т.е. еще до поступления в ВУЗ у Ники был запас знаний, позволявший ему принимать участие в научных трудах НИИ при Академии наук! Это был коллективный труд под руководством академика В.В.Струве

и назывался «Краткий курс истории Древнего Востока» (Для справки: В.В.Струве (1889-1965) основатель школы специалистов по истории Древнего Востока. Около 50 лет преподавал в Петербургском университете. В 1918-1933 годах заведовал Египетским отделом Эрмитажа. В 1937-1940 годах директор Института этнографии СССР.)

Но недолго удалось Нике там поучиться: в январе 1935 г. исключен «как социально чуждый элемент (мать-дочь полковника, отец – генерал)». К счастью, вскоре удалось восстановиться. В августе того же 1935 г. Ника снова студент.

Поступил он сразу на второй курс, сдав экстерном экзамены за первый. Зачислен был в группу ассириологов. Это было не совсем то, к чему стремился Ника. Его увлечением с детства, ещё с екатеринославских времён, был Египет. Он умел читать египетские иероглифы до поступления в ВУЗ.

В ассириологической группе, в момент поступления туда Ники, был всего один человек, Игорь Михайлович Дьяконов. Вторым стал Ника, третьим Шумовский Теодор Адамович, а потом Липин Лейб Хацкелевич.

И.М.Дьяконов, ставший известным в своей области учёным, оставил воспоминания, в которых уделит небольшое место и Нике. Вот как он его описывает: «Ника Ерехович был небольшого роста, тоненький с волнистым темно-русым чубом, с необыкновенно приветливым лицом, казавшимся чуть лукавым из-за чуть курносого носа и чуть-чуть странным из-за разных глаз – один был светло-коричневым, а радужная другого была разделена наискосок на зеленую и светло-коричневую половину. Одет он был в очень поношенный пиджак и в застиранную клетчатую рубашку, из которой как будто вырос, всегда чистую (может быть, у него было две, но скорее он стирал и высушивал всё одну и ту же). Беднее некуда».

Был он человек дружелюбный и общительный и имел много знакомых старше себя в самых разных кругах». Где жил Ника, Дьяконов не знал: то ли снимал где-то угол, то ли ночевал у друзей. Сам Дьяконов жил в общежитии и иногда Ника ночевал у него, если там оказывалась свободная койка. Дьяконов отмечает, что Ника хорошо знал иностранные языки, а в свою бытность студентом он ещё окончил курсы английского языка. «Учился Ника прекрасно, – пишет Дьяконов, – и если бы не постоянные бытовые трудности и не то, что его время от времени исключали из института, он, вероятно, нисколько не отстал бы от меня.» Одновременно с учёбой Ника работал то ли переводчиком, то ли давал уроки иностранного языка.

Было у него и сердечное увлечение. По мнению Дьяконова, он был влюблён в Тату, в Старкову Клавдию Борисовну. Но и тут ему не везло: она не отвечала ему взаимностью. (Она любила другого мужчину. Видимо, одного из преподавателей.) Но отношения у них были очень хорошие, дружеские. Судя по сохранившимся фотографиям, Ника всегда был среди молодёжи, собиравшейся у Старковых, которые жили в Павловске. У них любили собираться студенты.

К.Б. Старкова тоже оставила воспоминания. Часть их, посвященная Илье Гринбергу, опубликована. Опубликованы ли они полностью – не знаю.

Продолжение, на стр. 8.

Добрая фея и ее семья

Продолжение. Начало на стр 7.

В них отводится какое-то место и Нике, а, кроме того, приводится ряд эпизодов, дающих представление о тогдашней студенческой жизни.

Одно из сильных впечатлений студенческого периода – убийство С.М.Кирова в декабре 1934 г., после чего «стало беспокойно», как пишет Старкова. Впрочем, и до этого аресты были. В частности, были арестованы учёные Либерман и Соколов.

В день прощания с Кировым занятия были отменены и студенты собирались идти в Смольный, где происходила эта церемония, а пока они ждали своей очереди в аудитории. Дальше цитирую: «Кто-то принес газеты за понедельник, а Киров был убит в воскресенье. Однако в газетах был уже опубликован список расстрелянных за это преступление. Выходило, что расследование (в казначейках бы написать это слово! Н.К.) заняло только одну ночь. В полном недоумении я во всеуслышание заявила: «Как же смогли разобраться так быстро в столь сложном деле и с таким количеством осужденных и приговор привести в исполнение?» Тут меня схватил за руку Игорь Дьяконов и повёл к физкультурному залу, находящемуся в стороне. Затем он сказал: «Тата! Я тебя очень прошу и умоляю не высказывать никаких разумных соображений по поводу смерти Кирова и сопутствующих этому обстоятельств, потому что ты погубишь себя и всю кафедру. Нас могут закрыть, если сочтут, что мы недостаточно лояльны...»

«Беда пришла в самом конце 1937 – начале 1938 г., – продолжает Старкова, – тогда были арестованы трое лучших наших товарищей.» Это были Гринберг, Шумовский и Ерехович. И она добавляет: «Друзья звали его Никой, с его сестрой (имеется в виду Вриенна Петровна. Н.К.) я дружу и сегодня.» Написано это в 1997 г., т.е. спустя 60 лет! Далее она пишет, что Нику взяли 11 февраля 1938 г. и он был арестован почти одновременно со Львом Николаевичем Гумилёвым, хотя они были знакомы только поверхностно. «Потом обоим приписали участие в какой-то организации».

Старкова пишет, как осторожны все стали после этих арестов: «Никаких политических разговоров в нашем кругу не велось. Между собой говорили только о студенческих делах или на научные темы. Анекдоты рассказывали только прошлых времён, только чисто «академические», а не политические».

И.М.Дьяконов тоже пишет об арестах в своих воспоминаниях: «В феврале-марте (1938 г. Н.К.) я болел, а вернулся на занятия – нет Ники Ереховича. «Его увели прямо из аудитории, т.к. не нашли по месту прописки...» К этому моменту у Ники уже была прописка. В 1934 г. он всё же получил паспорт, в котором ему и всей семье Ереховичей было отказано в 1931 г., почему семья и уехала в Мурманскую область. Далее Дьяконов рассказывает, как в ауди-

В августе 1939 г., после объявления окончательного приговора, Гумилёва отправили в Норильск, Шумовского в Котлас Архангельской области, а Нику на Колыму.

торию пришли два военных и увели Нику. «Этот арест произвел в нашей группе особое впечатление: Нику все любили». Арестовали Нику за 4 месяца до окончания учёбы.

В момент ареста Нике было 24 года. На его счету уже серьёзные научные работы. Товарищи отмечали его «исключительную одарённость». Как уже упоминалось, он читал иероглифы, мог работать с ассирийскими и шумерскими источниками. Параллельно он занимался генетикой и биологией, используя эти науки в востоковедении; участвовал в работе комиссии агрикультуры Института истории и техники Академии наук СССР; подготовил доклад «К вопросу о земледелии в Древнем Египте»; занимался проблемами древневосточного животноводства и подготовил статью «К истории лошади на Древнем Востоке», а также «История земледелия в древней Сиро-Палестине.» Его работы получили высокую оценку не только В.В.Струве, как уже упоминалось, но и академика Н.И.Вавилова. Оба они ходатайствовали о его восстановлении в ВУЗе после исключения в начале 1934 г.

Арестованные одновременно с Никой Л.Н.Гумилёв и Т.А.Шумовский уцелели, пройдя все круги ада, и стали выдающимися учёными. Всё было за то, что Ника от них не отстанет, но... Недаром А.А.Ахматова по поводу ареста этих молодых людей, среди которых был и её сын, сказала: «Взяли весь цвет молодого поколения, будущих звёзд русской науки».

Обвинялись все трое в участии в молодёжной антисоветской террористической организации в ЛГУ и в подготовке террористического акта против А.А.Жданова. Вёл дело следователь Бархударян. В своих воспоминаниях И.М.Дьяконов рассказывает такой эпизод, который он узнал от К.Б.Старковой: «Когда Нику арестовали, то на первом допросе следователь спросил: «Кто может за вас поручиться?» Ника назвал своего одноклассника и друга, как он считал, Липина. Тогда следователь положил перед ним на стол донос Липина на него.

Самого Дьяконова вызывали в НКВД по делу Ники. Он поделился этим с Липиным, что явилось поводом ко второму доносу, как он считает. Дьяконов то ли оправдывает, то ли даёт объяснение поступку Липина. Он пишет, что Липин «был в руках НКВД и то, что он делал, вменялось ему в обязанность». И дальше замечает: «Гибель Ереховича всё равно была предрешена, как и гибель Шумовского».

Эпизод с первым доносом вызывает некоторые сомнения. Даже если он имел место, то как могла узнать об этом Тата? Свиданий же подследственным не давали.

Судил всех троих Военный трибунал в закрытом заседании 27 сентября 1938 г. Гумилёву «дали» 10 лет, Ереховичу и Шумовскому по 8 по статьям 17, 58-8, 31.

В результате избиений и моральных пыток все трое на следствии признали себя виновными, но на суде отказались от своих подписей под ложными показаниями. Однако, это их не спасло. Были поданы кассационные жалобы, дело было возвращено на доследование. За Гумилёва просила Ахматова, Пастернак, Чуковский. Впоследствии мама Ники трижды тоже обращалась к властям, надеясь хоть немного смягчить участь сына, но результатов это не имело. Правда, при рассмотрении кассационной жалобы срок отбывания наказания был снижен всем до 5 лет.

В следственном отделении все трое сидели в одной камере. К сожалению, об этом пребывании почти ничего не известно. Только Шумовский упоминает ещё один дар Ники: он говорил, что у Ники были «руки скульптора». Он слепил из черного хлеба шахматные фигурки и половину их вывалял в стеной извести. Получились черные и былые и они могли играть ими в шахматы.

В пересылке, где в одной камере оказалось 6 студентов, они создали Вольный университет. Читали лекции друг другу. Ника имел тему «История лошади на Древнем Востоке». Там речь шла о том, как лошадей приручали, как за ними ухаживали, запрягали

и т.п. Гумилёв читал лекции о хазарах, живших в древности между Волгой и Доном.

В августе 1939 г., после объявления окончательного приговора, Гумилёва отправили в Норильск, Шумовского в Котлас Архангельской области, а Нику на Колыму. Ехал он туда сначала на поезде через всю страну до Владивостока, а оттуда в Севостлаг, находившийся на Колыме.

Об ужасах пребывания заключённых на Колыме написано и рассказано много. И тому, что написал, например, Шаламов, – нельзя не верить. И всё же и Колыма поворачивалась к людям не всегда одной и той же стороной. Так бы хотелось думать, что Нике повезло больше, чем Шаламову. Я пишу об этом потому, что от писем Ники родным с Колымы не создаётся то отчаянно гнетущее впечатление, которое буквально давит, когда читаешь рассказы Шаламова. Возможно, секрет в подцензурности писем Ники, но ведь писал же Дьяконов, что Нику все любили за его искренность, за способность лгать, за то, что он никогда не унывал, хотя жизнь ему преподносила столько «приятных» сюрпризов.

Одновременно с Никой на Колыме находился его знакомый по университету Илья Гринберг, о котором оставила воспоминания К.Б.Старкова. Он был арестован самым первым, накануне 1938 г. Попал на колымские рудники. Старкова пишет, со слов Гринберга: «В первом же году из 100 доставленных заключённых в живых осталось только двое: он сам и ещё кто-то».

Письма Ники с Колымы – это письма по-настоящему мужественного человека, который смотрит смерти в лицо и не жалуется на свою судьбу, никого не проклинает и даже иногда в них мелькают попытки грустных шуток.

У Вриенны Петровны хранилось 7 писем Ники, из них 4 были обращены к родным, одно к Тате. Два письма написаны ещё с воли. Первое писалось в декабре 1935 г. В нём Ника беспокоится о родных, находящихся в Кировске. Видимо, он однажды побывал у них, т.к. пишет: «Всё надеялся, что Вы живы, но был почти уверен, что барак должен был пострадать, ведь и в прошлом году был обвал, который остановился в 30 метрах от Вашего барака, как Вы писали. Ну, да я к тому же помню и место: как раз эти бараки ближе к крутому склону».

Упоминает здесь Ника открытку от Мумы (Марии), которая «в ужасе и страхе», т.к. давно не получала вестей из Кировска. Беспокойство Марии и Ники были не напрасны. Действительно, снежный обвал был, и барак, где жили родители, пострадал, но они уцелели и жили уже в другом месте. Задав все вопросы, Ника подытоживает: «Ну, не знаю даже, что и писать больше – я так уж рад». И о себе: «Я жив, здоров, благополучен. Сдал 2 зачета (ассирийский язык, а сегодня еврейский язык) на отлично, а 14-го буду сдавать третий зачет по ассирийской литературе».

Окончание в следующем номере.